

КАУФМАН Д. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КАУФМАН Давид Николаевич, родился в 1897 в Поволжье. Проживал в немецкой колонии Поволжья, занимался сельским хозяйством, с 1921 — подрабатывал валяньем валенок. С 1929 по 1930 — сотрудник культа у немцев-колонистов. Женат, в семье — шесть детей. В 1930 — подал заявление на выезд из СССР, был арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Свирьлаг. В 1933 — после освобождения вернулся на родину, зарабатывал на жизнь, помогая по хозяйству сельчанам. 20 ноября 1934 — арестован «за получение помощи от фашистских организаций из-за границы», 7 апреля 1935 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Дальлаг. В конце мая 1935 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<29 мая 1935>

«В Комитет Помощи Политзаключенным.
Москва, Е. П. ПЕШКОВОЙ

От политзаключенного
ст<атья> 58-10 Кауфман
Давида Николаевича

20 ноября 1934 г<ода> Камышинский НКВД меня арестовал и посадил в ИТУ¹. В обвинительном акте было сказано, что я материально обеспеченный, при Советском Правительстве не служивший, получал помощь от фашистских организаций из-за границы.

20 апреля 1935 г<ода> мне был зачитан приговор, согласно которому я осужден 7 апреля с<его> г<ода> Особым Совещанием в Москве на 5 лет концлагеря, которые я должен отбывать в г<ороде> Свободном Д<альне>-В<осточного> Кр<ая>.

Обвинение не соответствует действительности, и поэтому, прошу Вашего содействия и совета, что мне делать, принимая во внимание нижеследующее:

Я родился в 1897 г<оду> в крестьянской семье в области Немцев Поволжья, где я крестьянином работал до 1921 года. Когда же при нашествии белых банд в 1919 г<оду> хозяйство отца разорилось, я стал с 1921 голодного года заниматься по зимам еще валяньем валенок. Когда же я в 1925 году отделился от отца, то у меня имущества не было никакого, ни двора, ни дома, кроме одной коровы. В 1929 и <19>30 году я работал два года сотрудником культа, и в конце 1929 г<ода> во время переселения немцев-колонистов я собрался ехать к шурина в Америку. Разрешения на выезд я не получил, а получил три года концлагеря в Свирских лагерях.

Из лагеря я вернулся в 1933 г<оду> в декабре, измученный и больной, и к тяжелому труду не способный, но с твердым решением показать себя полезным работником в Сов<етском> Союзе. Но это мне за 11 месяцев пребывания на свободе не удалось. Как лишенца меня на советскую службу не приняли, и я стал у граждан пилить и колоть дрова, возить опилки, заливать калоши и т<ому> п<одобное>. Но семья у меня большая, имею 6 детей, и старшему из них 14 лет. Жена же больная. При первом отбывании срока семья жила в крайней нужде: питались травами, ели суслик<ов>, и дети ходили по домам собирать милостыни. Все эти переживания и лишения совсем согнули жену, и она стала к труду неспособной.

Положение мое было весьма тяжелое. Была зима, запасов не было,

¹ Исправительно-трудовое учреждение.

заработок только на десятую часть покрывал ежедневные нужды. В это время немцы Поволжья стали получать из-за границы денежные переводы. В Торгсине были и до сего времени есть рекламы и объявления, согласно которым каждый вправе получать Торгсинск<ие> товары и продукты, если он напишет своим родственникам и знакомым за границей. Доверяя этим рекламам и объявлениям, я написал в Швейцарию в Лигу Христианства с просьбой поддержать меня немного, как человека больного и с большим семейством. Это с моей стороны, правда, было немного наивно, и, как теперь выяснилось, довольно опасно. Но когда человек материально обеспечен и сыт, когда ему везде покровительствуют, его ласкают, тогда будто не так трудно держать фасон. Но когда человек считает себя униженным и оскорбленным, когда он голоден, как зверь, и рад был бы показать себя с хорошей стороны, да никому он не нужен, везде он окажется лишним, тогда уж много труднее будет соблюдать правила хорошего тона.

Я всего три раза получал денежные переводы из Швейцарии, причем, третий раз вся сумма на 3 руб<ля> 16 коп<еек> золотом была отнята у меня Камышинским НКВД при аресте. Но в чью пользу они пошли, это мне осталось секретом. Если я за свой поступок действительно заслужил 5 лет наказания перед Сов<етским> Союзом, то я убедительно прошу Вашего содействия, чтобы мне концлагерь заменили таким образом, чтобы я мог взять на свое попечение больную жену и бедных, так много уже перестрадавших детей.

Временно нахожусь в ИТУ гор<ода> Балашова, куда я прибыл этапом 18 мая из гор<ода> Камышина. Следую в г<ород> Свободный Дально-Восточного края.

К сему Кауфман Д. Н.

29 мая 1935 г<ода>.

Адрес жены: г<ород> Камышин Сталингр<адского> Кр<ая>. Спартаковская ул<ица> 34, кв<артира> Геффеле. Кауфман П. М.»².

*На письме — помета М. Л. Винавера, помощника Е. П. Пешковой:
«Жене 30 р<ублей> в счет духовенства. М. В.».*

В сентябре 1936 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Виктория Кауфман, дочь Давида Кауфмана (письмо на немецком языке, адрес — на русском). В ноябре 1936 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Виктории Кауфман.

<20 ноября 1936>

«Виктории КАУФМАН

В ответ на В<аше> письмо сообщаю, что для ходатайства о досрочном освобождении В<ашего> отца, Д. Н. КАУФМАНА, ввиду тяжелого семейного положения, Вы можете послать заявление непосредственно в Ком<иссию> Частн<ых> Амнист<ий> при ЦИК'е СССР (Москва, ул<ица> Серафимовича, 2).

Целесообразно, чтобы В<аш> отец предварительно послал в ЦИК личное заявление через администрацию к<онцентрационного> лагеря.

В своем заявлении Вам полезно будет указать, когда послано личное заявление В<ашего> отца.

Мы оказать содействие не имеем возможности»³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 24-25.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1568. С. 262. Машинопись.